

Е. ЯНТАРЕВ

Н. Гумилев. Жемчуга.

Стихи. Кн-во «Скорпион» М., 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Есть поэты и стихи, о которых трудно спорить, — так, очевидно их ненужность и ничтожность. И о таких поэтах очень трудно высказаться. В самом деле, что можно сказать о Гумилеве? Все, что есть ходячего, захватанного, стократно пережеванного в приемах современного стиходелания; все г. Гумилевым с рабской добросовестностью использовано. Раз навсегда решив, что нет пророка кроме Брюсова, г. Гумилев с самодовольной упоенностью, достойной лучшего применения, слепо идет за ним. И то, что у Брюсова поистине прекрасно и величаво, под резцом Гумилева делается смешным, ничтожным и жалким. Есть прекрасная поэма у Брюсова «Раб», г. Гумилев пишет «Царицу»: «Твой лоб в кудрях отлива бронзы, как сталь глаза твои остры. Тебе задумчивые бонзы в Тибете ставили костры. Когда Тимур в унылой злобе народы бросил к их мете, тебя несли в пустынях Гоби на боевом его щите»... Какое ухо не услышит вопля «бонз», когда Гумилев тащил их для рифмы «бронзы»? И хоть Брюсов не брал патента на слово «мета», все же оно, бесспорно, принадлежит ему... У В. Брюсова есть изысканная «нарочитость» рифмы. Большой поэт кокетничает ими, показывая не испорченность своих приемов, г. Гумилев пытается делать то же — и кто не разразится хохотом, прочитав всерьез написанное четверостишие:

Мне суждено одну *тоску нести*,
Где дед раскладывал пасьянс,
И где влюблялись *тетки с юности*
И танцевали контраданс¹.

